

Предания, Церковь и формирование доктрины¹

Джеймс Уайт

Джеймс Уайт – директор миссии христианской апологетики «Альфа и Омега», расположенной в г. Феникс (штат Аризона, США). Он написал более двадцати книг, является преподавателем и состоявшимся апологетом, участвует в публичных дебатах и несет служение пресвитера в Реформатской баптистской церкви г. Феникс.

Я отчетливо помню, как в первый раз по какой-то причине, по Божьему провидению, кто-то спросил меня о значении Второго послания фессалоникийцам 2:15 применительно к утверждениям Римско-католической церкви о преданиях. Это было, когда я сидел на «евангелизационном ужине» в очень большой южно-баптистской церкви, в которой я был активным членом. Кто-то подошел ко мне и спросил о том, что бы я ответил, если бы мне показали следующий текст: «Итак, братия, стойте и держите предания, которым вы научены или словом или посланием нашим». Я не помню всех подробностей своего ответа, но я хорошо помню, как подумал, что было бы хорошо внимательней изучить новозаветное представление о «преданиях».

На протяжении многих лет, с тех пор как я начал вести активную полемику с католическими апологетами по поводу отвергаемого ими принципа *Sola Scriptura*, мне сотни раз цитировали Второе послание фессалоникийцам 2:15 как первоочередное доказательство существования внебиблейских, неписанных, устных преданий. Действительно, один из моих постоянных оппонентов в спорах, бывший протестант Герри Мататикс постоянно подчеркивал, что этот текст является заповедью, которую исполняют только католики, поскольку они придерживаются *как* написанного предания (Писания), *так и* устных преданий. Он утверждает, что протестанты не могут исполнить ее, потому что отвергают авторитет устных преданий². На этом основании он совершенно неожиданно поворачивает аргумент, который обычно используется против католиков, и обвиняет протестантов в том, что они следуют «человеческой небиблейской традиции». Поскольку многие протестанты не уделяли достаточно внимания изучению этого текста в его контексте и редко сталкивались с продуманной апологетикой католической позиции, это многих заставало врасплох. Приведенный ниже диалог проиллюстрирует эту ситуацию и, надеюсь, поможет вам лучше подготовиться к достойному ответу на подобные выпады.

Роберт: Это всё хорошо и правильно, Джошуа, – верить, что нам достаточно одной Библии. Ты по-особенному понимаешь Второе послание Тимофею 3:16³, но нужно воспринимать целиком всё, что говорит Библия. Тот же самый апостол, который написал Второе послание Тимофею 3:16, ранее повелел фессалоникийцам держаться двух форм⁴ предания: устного и письменного.

¹ Данная статья была опубликована во 2-м выпуске альманаха "Кафедра", посвященном теме "Sola Scriptura" (Самара, 2010), с. 111-35. Изначально она была опубликована в книге James White. *Scripture Alone*. Grand Rapids, MI: Bethany House, 2004. С. 167–189. Переведена и опубликована здесь с разрешения.

² По сути, это и *есть* заповедь, поскольку оба глагола «стойте» и «держите» стоят в повелительном наклонении.

³ «Всё Писание богодухновенно и полезно для научения, для обличения, для исправления, для наставления в праведности».

⁴ Поскольку в решениях Второго ватиканского собора (Vatican II) не нашла употребление формулировка «два источника откровения» в отношении письменной и устной форм «предания», многие современные католики подчеркивают, что существует *один источник в двух формах*. Тем не менее,

Можешь ли ты прочитать вслух то, что написано во Втором послании фессалоникийцам 2:15?

Джошуа: Конечно. «Итак, братия, стойте и держите предания, которым вы научены или словом или посланием нашим».

Роберт: Если ты внимательно изучишь этот текст, то обнаружишь, что слово, переведенное как «держите», стоит в повелительном наклонении, то есть это заповедь. Я искренно убежден, Джошуа, что как католик я могу исполнять эту заповедь, но ты как протестант этого делать не можешь. Я держусь как устного предания (то есть того учения, которое Павел передал фессалоникийцам в устной форме), так и написанного предания (то есть Писания). Мы, католики, держимся обеих форм предания, в то время как вы, протестанты, только одной.

Джошуа: Я знаком с таким утверждением, но признаю, что ты меня немного смутил. Ты прежде сказал, что веришь в то, что ты называешь «материальной достаточностью», то есть что все открытые Божьи истины, хотя бы не явным образом, но содержатся в Писании, и не придерживаешься взгляда, который можно назвать «часть тут, часть там», согласно которому Божья истина частично представлена в написанном предании и частично в устном. Это так?

Роберт: Да, это наиболее распространенное современное убеждение среди католиков. Но что же тебя в этом смущает?

Джошуа: Хорошо, Роберт, я могу понять, почему тот, кто верит в то, что часть из того, что мы должны знать, находится в Писании, а часть – в устном предании, может опираться при этом на Втором послании фессалоникийцам 2:15, но мне не понятно, как этим поддерживается твоя позиция. Кажется, ты веришь, что послания Павла хотя бы неявным образом, но содержат и то, что он передал им в устной форме, правильно? Поэтому мне и не понятно, почему же ты так настаиваешь на этом тексте?

Роберт: В нем подтверждается, что существуют две формы откровения: устная и письменная.

Джошуа: Очевидно, что в то время, когда Новый Завет еще не был весь написан через служение апостолов в Церкви, Слово Божье, бесспорно, передавалось в двух формах. На счет этого никогда не спорили. Но вопрос заключается в том, обязывает ли нас этот или какой-либо другой текст считать, что *после* завершения передачи откровения, когда апостолы уже выполнили свою миссию и Писание было завершено и вверено церкви в сопровождении чудесных действий Святого Духа, должна продолжать существовать устная (незаписанная) форма божественного откровения? Сам текст Второго послания фессалоникийцам 2:15 даже не намекает на такую идею.

Роберт: Почему ты это говоришь?

фраза «два источника откровения» употреблялась в католических богословских трудах в течение многих веков.

Джошуа: Этот текст не стоит считать каким-то необычным или трудным для понимания. Ранее в Первом послании коринфянам 11:2 Павел уже высказывал похвалу коринфянам очень похожими словами: «Хвалю вас, братия, что вы всё моё помните и держите предания так, как я передал вам».

Роберт: А известно ли тебе, что глагол «передал» одного корня со словом «предание»?

Джошуа: Действительно, глагол имеет прямую связь с существительным. Павел «передал предание» коринфянам, фессалоникийцам и т. д. Как верный домоправитель, он передавал те истины, которые сам получал либо от Самого Господа, на что он иногда указывал⁵, либо слышал их от других апостолов, которые ходили с Иисусом. Но ни в одном из этих текстов нет даже намека на то, что содержание того, что он устно «передал» им, хоть немного отличалось от того, что Павел пишет церквям в посланиях. Более того, на самом деле утверждается обратное. То, что Павел говорил «при многих свидетелях», должно было быть передано последующим поколениям после того, как он покинет этот мир⁶. Под этим подразумевается не какое-то тайное знание, а именно то, что Павел проповедовал открыто. И что же Павел преподавал в общественных местах? Достаточно ясно, что это было Евангелие⁷. Конечно, это было больше, чем просто перечисление основных пунктов Благой Вести, но именно Евангелие было сутью его открытых проповедей.

Роберт: Как ты нашел это в данном тексте?

Джошуа: Смысл текста всегда определяется его контекстом. Во-первых, в самом начале этой главы⁸ Павел прямо говорит, что устная и письменная составляющие его учения – это не какие-то принципиально разные наставления, которые должны были передаваться отдельно. Обрати внимание на его слова в 5 стихе: «Не помните ли, что я, еще находясь у вас, говорил вам это?» Это уже указывает на прямую связь между его устными и письменными наставлениями. И не только это. Давай вспомним, что выше Павел говорит об осуждении тех, кто отвергает любовь к истине, и затем он противопоставляет им фессалоникийских верующих:

Мы же должны благодарить Бога всегда о вас, братья, возлюбленные Господом, потому что избрал вас Бог от начала ко спасению в освящении Духом и в вере истине, к чему и призвал Он вас чрез Евангелие наше, к получению славы Господа нашего Иисуса Христа⁹.

В отличие от тех, кто не любит истину и погибнет, Бог *от начала* избрал фессалоникийских верующих ко спасению¹⁰, которое будет происходить через

⁵ Напр., в Послании галатам 1:12 и Первом послании коринфянам 11:23.

⁶ Второе послание Тимофею 2:2.

⁷ Первое послание коринфянам 15:1-4 – это краткое повторение его устных проповедей.

⁸ Второе послание фессалоникийцам 2 гл.

⁹ Второе послание фессалоникийцам 2:13-14 (пер. Кассиана).

¹⁰ В существующих рукописях этого текста есть разночтения после фразы «Бог избрал вас»: «как первые плоды к спасению» или «от начала к спасению». В греческом тексте это различие незначительное (*aparchen* – «первые плоды» или *aparches* – «от начала»); поскольку в оригинальном тексте отсутствуют пробелы между словами, то вся разница заключается в одной букве (в ранних греческих унциалах это выглядит примерно так [по аналогии латинскими буквами]: APARCHEN или

действие Духа и веру истине. Это различие между осужденными и спасенными, так явно выраженное в предыдущих стихах, следует обязательно учитывать. Фессалоникийцы знали, что у Бога есть цель в их призвании к вере: «...к получению славы Господа нашего Иисуса Христа».

Поэтому, Роберт, непосредственно предшествующий контекст в этой главе говорит о Евангелии, о Божьем призвании и о различии между верующими и неверующими.

Роберт: Опять же, всё это хорошо и прекрасно, Джошуа, но повеление держаться чего-то – это ведь заповедь, не так ли?

Джошуа: Да, однако изучение этой заповеди приводит нас к убеждению, что Павел просто побуждает нас продолжать держаться тех истин, которые уже были переданы апостолами фессалоникийцам, и не более того. Как мы выяснили, здесь употребляются два глагола в повелительном наклонении: «стойте» и «держите». Первое повеление оставлено безо всякого пояснения, но, поскольку это слово Павел употребляет достаточно часто, у нас не остается особых вопросов о его значении. Павел знал, что фессалоникийцы могли понять смысл этого повеления, опираясь на то значение, в каком употреблял его раньше он сам, когда находился с ними. Обрати внимание на другие тексты, в которых он дает подобные повеления:

Бодрствуйте, стойте в вере, будьте мужественны, тверды¹¹.

Итак стойте в свободе, которую даровал нам Христос, и не подвергайтесь опять игу рабства¹².

Только живите достойно благовествования Христова, чтобы мне, приду ли я и увижу вас, или не приду, слышать о вас, что вы стоите в одном духе, подвизаясь единодушно за веру евангельскую¹³.

Итак, братья мои возлюбленные и вожделенные, радость и венец мой, стойте так в Господе, возлюбленные¹⁴.

Ибо теперь мы живы, когда вы стоите в Господе¹⁵.

Обрати внимание, Роберт, на фразы: «стойте в вере»; «стойте в свободе»; «стойте в одном духе, подвизаясь единодушно за веру Евангельскую»; «стойте в

APARCHES). В действительности, смысл изменяется незначительно, поскольку в обоих вариантах остается фраза «к спасению», и вопрос заключается в том, говорится ли здесь о том, когда Бог принял решение о спасении (это уже открыто нам в других текстах Писания, например, Еф. 1:3-7), или же здесь утверждается что-то о самих избранных. Выражение «первые плоды» (или «начаток». – *Примеч. пер.*) часто используется Павлом (напр., Рим. 8:23; 16:5; 1 Кор. 15:20; 16:15), и по этой причине многие современные библеисты предпочитают этот вариант. Однако внешние свидетельства создают лишь незначительный перевес в пользу прочтения «первые плоды», и поэтому оба варианта следует принимать во внимание.

¹¹ Первое послание коринфянам 16:13.

¹² Послание галатам 5:1.

¹³ Послание филиппийцам 1:27.

¹⁴ Послание филиппийцам 4:1.

¹⁵ Первое послание фессалоникийцам 3:8.

Господе». Во всех этих выражениях Павел обращается с ободрением к верующим, ведущим сражение с миром, плотью и дьяволом. Все эти призывы говорят об отказе воина отступить или убежать, вступив в битву с врагом. Это постоянно повторяющийся приказ командира своим воинам, сдерживающим натиск атакующего врага. Основание, на котором фессалоникийцы – а в широком смысле и все верующие – должны твердо стоять против врага, достаточно ясно: стойте в вере, в Евангелии, в Господе.

Роберт: И все же, ты должен признать, что *вы* не пользуетесь тем термином, который здесь употребляет Павел – *предания*!

Джошуа: Да, это так. Протестанты не употребляют слово «предания» так часто, как могли бы. Хотя, я бы сказал, это происходит потому, что смысл этого слова был сильно изменен вашей церковью, Роберт. Но нет никаких сомнений в том, что Павел здесь повелевал фессалоникийцам держаться *тех преданий, которым они уже были научены*. Обучение христиан истине занимало центральное место в апостольском служении среди церквей, и оно также должно было стать центральным служением для того, чтобы истина продолжала пребывать в Церкви¹⁶.

Но сейчас мы подошли к действительно сложному вопросу: можем ли мы знать, чему Павел учил фессалоникийцев? Мы можем почерпнуть довольно много информации об этом из Первого послания Павла к фессалоникийцам. Он говорит, что они приняли слово «...при многих скорбях с радостью Духа Святого...»¹⁷. Павел говорит, что они с братьями дерзнули в Господе проповедать фессалоникийцам благовестие Божие «с великим подвигом»¹⁸, а также что они были чрезмерно рады, передав фессалоникийцам не только благовестие Божие, но и свои души¹⁹. Он говорит, что во время его краткого пребывания с ними он увещевал и призывал их, как отец своих детей, «поступать достойно» призвавшего их Бога²⁰. Та весть, которую он передал им, была истинным Божьим Словом, которое живо и действенно и действует в верующих²¹. Она включала в себя наставления о том, как поступать угодно Богу²², а также заповеди о необходимости благочестивой жизни и, в частности, чистоты от грехов плоти²³. Вполне очевидно, что апостол кратко коснулся темы Второго пришествия Господа, однако некоторые аспекты этой темы он посчитал необходимым разъяснить более подробно²⁴.

Поэтому, Роберт, у меня есть полное право настаивать, что тот, кто считает, будто Павел передал фессалоникийцам какие-либо вероучения или доктрины, которые *нигде более в Писании не содержатся*, должен предоставить этому достаточно веские доказательства. Считаешь ли ты, что Павел преподавал им такие доктрины как, например, учение о непогрешимости Папы или о непорочном зачатии Девы Марии?

¹⁶ Второе послание Тимофею 2:2.

¹⁷ 1:6.

¹⁸ 2:2.

¹⁹ 2:8.

²⁰ 2:11-12.

²¹ 2:13.

²² 4:1.

²³ 4:2-4.

²⁴ 4:13-17.

Роберт: Да, Джошуа, я верю, что он преподавал им те основные истины, которые теперь сформулированы католической церковью²⁵.

Джошуа: И все же как протестантские, так и католические историки не находят основания считать, будто фессалоникийцы или кто-либо еще во времена апостола Павла верили в подобные вещи. Множество фактов свидетельствуют о том, что они верили в Евангелие, в жизнь, достойную божественного призвания, и тому подобное, но нет ни одного свидетельства о том, что они или какие-либо другие христиане на протяжении столетий верили во что-то хотя бы отдаленно напоминающее те догматы, которые ты хочешь увидеть в термине *предание*, упоминающемся во Втором послании фессалоникийцам 2 главе.

Заключительные замечания

Обращаясь к этому тексту, с кем бы мы ни имели дело²⁶, мы должны, в первую очередь, сами хорошо понимать этот текст, чтобы быть способными объяснить его основной смысл другим. Павел призывает фессалоникийцев стоять твердо и непоколебимо в верности тому учению, которое они приняли от него в двух формах: через устное наставление во время его пребывания с ними и через его первое послание. Эти *предания* включали в себя как само Евангелие, так и обязательные результаты исповедания Христа своим Спасителем (то есть «заповеди», о которых Павел говорит в Первом послании фессалоникийцам относительно праведного поведения и поступков, достойных божественного призвания). Этот текст, по сути, не дает никакого основания предполагать существование некоего вторичного внебиблейского предания, переданного верующим за рамками Писания. Дэвид Кинг утверждает:

Во Втором послании фессалоникийцам 2:15 Павел просто связывает совесть фессалоникийцев содержанием своих наставлений, независимо от того, каким образом они были им переданы. Нет никакого повода считать, что этот текст дает право проводить какое-либо значительное различие между содержанием устных и письменных наставлений Павла²⁷.

²⁵ На этот вопрос могут быть различные ответы. Те же, кто придерживаются более современных взглядов кардинала Джона Генри Ньюмена, который проповедовал теорию «развития», не считают, что эти догматы в своем полном виде преподавались во времена апостола Павла. Они придерживаются мнения, что эти истины развивались, подобно тому, как из желудя вырастает дерево. Они бы сказали, что тогда они преподавались «как желуды», а впоследствии развились до полноростных доктрин. Но это позиция современного Рима, а те католики, которые боролись с Реформацией – как это ни парадоксально звучит, не считавшие непогрешимость Папы и непорочное зачатие Девы Марии догматами, поскольку оба этих учения были приняты как догматы лишь века спустя после Тридентского собора – так вот, современные реформаторам католики считали, что догматы, которые они отстаивали, в действительности были переданы апостолами. Это очень похоже на убеждение иудеев во время служения Христа, что их предания были вверены им самим Моисеем.

²⁶ Хотя я не проводил достаточно подробного исследования этого вопроса, но современные защитники мормонского учения, стремясь найти в истории ранней церкви основание своему собственному «уникальному» богословию, могут (подобно защитникам католицизма) ссылаться на подобные тексты в попытках подорвать принцип *Sola Scriptura*.

²⁷ David King and William Webster. *Holy Scripture: The Ground and Pillar of Our Faith*. Christian Resources, 2001. Т. 1. С. 58.

Sola Scriptura против *Solo Scriptura*

В своей книге *The Shape of Sola Scriptura*²⁸ Кит Мэтисон противопоставляет принцип *Sola Scriptura* принципу, который он сам называет *Solo Scriptura*. (Многие из его критических высказываний по поводу *Solo Scriptura* были перечислены выше.) Фактически не существует таких католиков, которые поднимали бы знамя *Sola Scriptura* с целью замаскировать свое неприятие библейских учений о церкви, авторитете и христианской истине. Именно поэтому принятие принципа *Sola Scriptura* подразумевает, что человек при этом также должен держаться принципа *Tota Scriptura*²⁹, то есть быть убежден в необходимости принимать *все* Писание в том виде, в каком оно представлено в Библии. Принцип *Sola Scriptura* подвергается насмешкам, когда полнота богодухновенного откровения не принимается с покорностью и не исполняется. И поскольку Писание говорит о Церкви, обучении в Церкви, наставлении, увещании и других подобных вещах, те, кто пытается при помощи этого принципа оправдать отказ от церкви или какие-либо иные ереси, не имеют никакого доктринального основания своей позиции. Итак, я могу согласиться с этой частью критики в адрес *Solo Scriptura*.

Но, с другой стороны, требует ли от нас принцип *Sola Scriptura* верить, что существует некое «предание» (или «правило веры»), к которому мы должны обращаться, чтобы правильно истолковывать Писание? Без сомнений, ранние христианские авторы пользовались этим термином, и многие быстро и со злорадством на это указывают. Но если мы изучим значение этого термина, то обнаружим, что в большинстве случаев под этим термином подразумевались либо фундаментальные положения христианской веры о Боге и Христе, либо убеждения по поводу практики и обрядов, не имеющих по своей сути доктринального или догматического характера. Ириней дает такое определение «преданию»:

И все они проповедали нам Единого Бога, Творца неба и земли, возвещенного законом и пророками, и Единого Христа, Сына Божия; и кто не согласен с ними, тот презирает участников Господа, презирает и Самого Христа Господа, презирает и Отца, и сам собою осужден, противясь своему собственному спасению, что делают все еретики³⁰.

Очевидно, что содержание этого «предания» не выходит за пределы Писания, ибо Библия прямо учит всем этим истинам. Тертуллиан в своем письме дает более развернутое объяснение:

А Правило веры, – дабы нам уже теперь объявить, что мы защищаем, – таково: им удостоверяется, что Бог един и нет иного Бога, кроме Творца мира, Который произвел все из ничего через Слово Свое, происшедшее прежде всего. Слово это, названное Сыном Его, которое по-разному открывалось патриархам в имени Божьем, всегда слышно было в пророках, сошло, наконец, из Духа Бога Отца и Благодати Его на Деву Марию, стало плотью во чреве Ее и произвело родившегося от Нее Иисуса Христа. Затем Он возвестил новый Закон и новое обетование Царства Небесного, творил чудеса, был распят на кресте, на третий

²⁸ Keith Mathison. *The Shape of Sola Scriptura*. Canon Press, 2001.

²⁹ Все Писание (лат.). – *Примеч. ред.*

³⁰ Ириней Лионский. *Пять книг обличения и опровержения лжеименного знания* (3.1.2) / Пер. прот. П. Преображенского // Сочинения Св. Ириней, епископа Лионского. 2-е изд. СПб.: Издание книгопродавца Тулузова, 1900.

день воскрес. Вознесшись на Небо, воссел одесную Отца, послал наместником Своим Духа Святого, чтобы Он водил верующих. И придет Он со славой даровать праведным плоды жизни вечной и небесного блаженства, а нечестивых осудить к пламени вечному, воскресив тех и других и возвратив им плоть. Это правило, установленное (как будет показано) Христом, не вызывает у нас никаких вопросов, – их выдвигают только ереси, и эти вопросы создают еретиков³¹.

Опять же, всё это может быть выведено из богодухновенного текста, а не существует в виде какого-то отдельного откровения дополнительно к Писанию. Если всё это означает, что, говоря об «апостольском предании» и «толковании Писания в свете правила веры», определенные незыблемые принципы являются решающими для правильного понимания Божьего Слова и христианской веры, то вряд ли может быть место каким-либо спорам. Всё, что нам нужно сделать, чтобы понять эту истину, так это заметить, что со стороны мормонских ученых делается относительно мало попыток разработать экзегетические комментарии на текст Писания, особенно на новозаветные книги, и что в рамках системы политеизма такая задача абсолютно невыполнима. Для более глубокого изучения откровения Писания следует понимать самые основные положения христианской истины, и если на этом этапе начать с заблуждения, то последующие усилия будут тщетны. Если именно в этом заключается всё, что подразумевалось под «правилом веры», тогда это вполне понятно.

По существу, мы можем пойти на шаг дальше и сказать, что правило веры представляет собой сжатую формулировку апостольского учения, которое существовало и в те времена, когда Новый Завет находился на стадии написания. Это правило веры полностью соответствует тексту Нового Завета, поскольку апостолы являются авторами как первого, так и второго; хотя следует заметить, что их письменное свидетельство в Писании является более надежным (и более конкретным), чем правило веры. Будет вполне логично предположить, что Новый Завет записывался как выражение христианской истины, которая была известна и циркулировала в то время; однако здесь мы снова видим Божью мудрость в том, какие средства Он использовал, чтобы передать Писание. В противоположность надежным и проверенным библейским манускриптам, передающееся из уст в уста предание в силу своей природы подвержено искажению, что и происходит очень быстро.

Поразительно наглядный пример этого наблюдается в случае, который можно считать первым документированным притязанием христианского автора на обладание информацией, не выведенной из Писания, а принятой в устной форме от апостолов через «предание». Когда Иринеи попытался опровергнуть аргументы гностиков второго столетия, он сослался на один из элементов в их аргументах, и, откровенно говоря, сам сел в лужу. Их аргументы были неуместными, а его ответ был ошибочным. В основу своей попытки опровергнуть их Иринеи положил предпосылку о том, что Иисусу было более пятидесяти лет в тот момент, когда Он умер на кресте. Также он утверждал, что, поскольку Христос пришел спасти младенцев и детей, мальчиков и подростков, взрослых и пожилых, то Он также Сам должен был пройти через все эти стадии жизни. Как же Иринеи мог доказать утверждение о таком возрасте Иисуса? – Настаивая на том, что он был научен людьми, лично знавшими апостолов:

³¹ Тертуллиан. *О прескрипции против еретиков* (§13) / Общ. ред. А. А. Столярова. М.: Издательская группа «Прогресс-Культура», 1994.

А всякий согласится, что тридцатилетний возраст есть начало мужеского возраста, который продолжается до сорокового года; с сороковых же и пятидесятого годов начинается уже преклонный возраст, в котором учил наш Господь, – как свидетельствует Евангелие и все старцы, собиравшиеся в Азии около Иоанна, ученика Господня, что им передал это самое Иоанн; а он был с ними до времени Траяна. Некоторые же из них видели не только Иоанна, но и других апостолов, и слышали от них то же самое и свидетельствуют об этом обстоятельстве. Кому же должно более давать веры?³²

Обратите внимание на утверждения Иринея, потому что церковная история наполнена подобного рода заблуждениями. Нет никакого текстуального основания верить, что Иисусу было более пятидесяти лет, хотя Ириной утверждает, что «Евангелия» *отчасти* лежат в основании его убеждения. Он спешно добавляет вес своему аргументу, упоминая также «всех старцев». Он подкрепляет свое заявление, настаивая на том, что «...собиравшиеся в Азии около Иоанна, ученика Господня...» передали эту информацию, но поскольку этого показалось ему недостаточным, он распространяет границы существования этого заявления за пределы Иоанна, чтобы выглядело так, будто эта идея о пятидесятилетнем возрасте Иисуса пришла также и от «других апостолов». Хотя Ириной писал это не более столетия спустя после смерти Иоанна, верит ли кто-нибудь действительно в то, что Иисус разменял шестой десяток лет жизни, когда умер? Никто не верит в аргументы Иринея, поскольку они не подтверждаются текстуально. Тем не менее, *не* верить в это означает признавать одно из двух: либо Ириной лгал, когда писал это, либо «устное предание» могло быть *очень* быстро искажено.

Из этого примера с Иринеем можно вывести два урока.

Во-первых, идею о разработанном апостолами «правиле веры» можно принять лишь в том случае, если считать его сжатым выражением апостольского учения, выводимым из всего спектра ранних христианских писаний, а не из какого-то одного источника. Именно это мы и видим: самые ранние примеры являются самыми простыми, самыми краткими, но со временем оно разрастается. Безусловно, более широкие варианты не лишены подозрений, но есть еще одно условие: приемлемый вариант «правила веры» должен исходить от всего сообщества древних церквей, а не от какой-то одной церкви или группы церквей. Чем шире свидетельство, тем надежнее основание, на котором это «правило веры» покоится.

Во-вторых, невозможно избежать вывода о том, что если якобы апостольское предание может быть искажено менее чем за столетие, то как можно всерьез воспринимать заявления католической церкви о том, что ее догматы о Марии – в частности, такие убеждения, как догмат о ее непорочном зачатии и телесном вознесении, которые не только не были упомянуты в своем нынешнем виде в течение *веков* церковной истории, но и до недавнего времени не были сформулированы догматически, – являются действительно апостольскими по своему происхождению и форме? Безусловно, для того чтобы иметь какое-либо основание называть такие догматы «апостольскими», следует сначала признать их божественным откровением наравне со Священным Писанием.

³² Иринея. *Пять книг обличения и опровержения лжеименного знания* (2.22.5).

Развитие доктрины

Наиболее значимым обращенным для католицизма в Великобритании в девятнадцатом веке был Джон Генри Ньюмен (впоследствии ставший кардиналом). Труды Ньюмена, блестящего ученого и мыслителя, стали фундаментом для многих из тех, кто стремился отстоять утверждения Католической церкви по нашему вопросу, и он, возможно, стал наиболее известен как автор «гипотезы развития»³³. Кратко говоря, он утверждал, что христианская истина «развивается» в сознании Церкви с течением времени, следовательно, по мере того как Церковь размышляет о божественном откровении веры (содержащемся в записанном Писании и незаписанном предании), то ее понимание этого божественного откровения возрастает. Это возрастание приводит к более глубокой оценке богатств этой истины и более точным и полным формулировкам истины, содержащейся в них.

Для иллюстрации этой идеи часто приводилась аналогия желудя, вырастающего до целого дуба. Именно так Ньюмен объяснял недостаток исторических свидетельств о том, чтобы в ранней Церкви в явном и осознанном виде существовали более поздние догматические формулировки Католической церкви (например, папство, догматы о Марии и др.). Эти убеждения в то время существовали неявным образом в форме преданий, но Церкви потребовалось больше времени для размышлений, чтобы в ее сознании эти доктрины развились полностью, найдя свое выражение в догматических формулировках.

По мнению Ньюмена, к этому развитию зачастую побуждали не просто вопросы, а откровенные ереси, наподобие арианства в IV в. Арий отвергал божественность Христа и проповедовал свои взгляды любому, кто его слушал. Прежде никто не обращал особого внимания на те вопросы, о которых говорил Арий. Однако это не означает, что до Ария никто не верил в божественность Христа – безусловно в это верили, но поскольку этот вопрос не стоял так остро, то не было необходимости в точных формулировках этой доктрины. Таким образом, те более точные формулировки, которые появились для борьбы с этой ересью, не были *новыми* доктринами или *новым* откровением, но были *развитием* и *объяснением* тех убеждений, которых придерживались прежде. В этом пояснительном процессе не было добавлено ничего нового, основание этому с самого начала находилось в Божьем откровении. Но дальнейшее *развитие* тех основополагающих строительных блоков потребовало времени, а для развития некоторых других концепций, таких, как догматы о Марии, потребовались тысячелетия.

В представленном Ньюменом объяснении есть немало истины. Пример с Арием просто замечателен, и несмотря на тот факт, что во времена Афанасия Церковь однозначно не выглядела так же, как современный католицизм (и даже близко не была на него похожа), он в точности это иллюстрирует. Со временем возникали вопросы о христианской вере, на которые требовались ответы, и много раз, чтобы получить эти ответы, требовалось вернуться к размышлениям о «вере, однажды преданной святым», о чем говорит святой Иуда (Иуд. 3).

По мере того как Евангелие шествовало по миру, оно встречалось с новыми культурами и новыми философиями. Их представители задавали вопросы, о которых в Священном Писании прямо не говорится. Например, греки задавали вопросы, из которых некоторые освещаются Павлом, а другие нет. Ранние отцы считали необходимым дать ответы на эти вопросы, и они не считали, что, отвечая на них, они должны были ограничивать себя исключительно словами Священного Писания. Когда

³³ См. King and Webster. *Holy Scripture*. С. 275 и далее.

какой-либо грек задавал вопрос, выраженный языком греческой философии, то такие люди, как Иустин Мученик, отвечали на него языком греческой философии, чтобы задавший его смог понять ответ. Мы можем (справедливо) утверждать, что Иустин зашел слишком далеко и был слишком очарован греческой философией, подчас в ущерб библейскому откровению, но главный вывод таков: с течением времени христиане размышляли над Божьим откровением и под влиянием Божьего Духа лучше постигали смысл духовных истин. *Именно так выглядит подлинное развитие доктрины.*

Хотя кого-то это может удивить, но во многих аспектах современный христианский ученый находится «ближе» к оригинальным писаниям апостолов, чем христиане, жившие всего пару веков после апостолов. Почему? С одной стороны, у нас не только есть легкий доступ ко всей Библии, но мы также обладаем множеством современных трудов, предоставляющих нам важную историческую, культурную и/или лингвистическую информацию. Нам доступна Библия на оригинальных языках³⁴, кроме того, у нас есть множество превосходных переводов Писания. Также мы обладаем огромным количеством трудов, оставленных нам поколениями, жившими в промежутке между тем временем и настоящим; мы можем читать труды Сперджена, Уорфилда, Ходжа и Мейчена, и благодаря им можем обрести проницательность, которая была недостижимой для многих людей в течение веков. Хотя человек, живший в VI в., *хронологически* был ближе к временам апостола Павла, у него и близко не было таких возможностей *изучать* труды Павла, какие есть сегодня у нас. Мы можем обогатить свое исследование изучением исторической обстановки в тех городах, которым Павел адресовал свои послания, мы можем читать эти послания на языке оригинала. В наши дни мы можем сидеть у компьютера и с его помощью найти, например, все аористные причастия пассивного залога в Послании Павла к римлянам³⁵. Все эти современные возможности позволяют нам быть ближе к Писанию в своем учении и доктрине, чем тот человек, который по причине гонений должен был всю свою жизнь прятаться, имея в результате этого очень ограниченный доступ к Писанию и к тем, которые могли бы его научить.

Итак, католики и протестанты соглашаются в том, что доктрина развивается, но мы сильно расходимся в понимании того, *как* происходит это развитие. Согласно Ньюмену, движущей силой в этом развитии является авторитет Католической церкви. Этот принцип можно увидеть в следующей цитате из рассуждений Карла Китинга о развитии доктрины:

Возьмем доктрину о Троице. Она не представлена на страницах Писания в столь ясной форме, и не только в том смысле, что слово «Троица» в нем нигде не встречается... но также никоим образом не становится очевидным лишь на основании поверхностного понимания смысла текста, что Святой Дух – это божественная личность. Мы инстинктивно видим на страницах Библии те доктрины, которых уже придерживаемся, поскольку каждый из нас, прежде чем взял в руки Библию, был наставлен в вере. Нам кажется, что указания на божественность Святого Духа в Писании так и прыгают перед нашим взором. Если мы поставим себя на место древних язычников или современных неверующих, которые впервые открывают Библию, то мы поймем, что природа Святого Духа вовсе не является такой уж бесспорной. Если бы мы представили

³⁴ Подавляющее большинство ранних отцов Церкви, к примеру, не могло читать одновременно по-гречески и по-еврейски, а многие представители Западной Церкви и вовсе не могли читать ни на одном из этих языков!

³⁵ Их восемнадцать.

себе, что у нас нет опоры на божественное предание или на авторитет Церкви, то мы смогли бы понять, с какой легкостью возникали ранние ереси относительно природы Святого Духа³⁶.

Обратите особое внимание на то, что он говорит: относительно Троицы, якобы, сама доктрина не ясно представлена в Писании. Как же тогда мы узнали о ней? Мы узнали о ней в силу того, что были научены ей. И кто же нам ее преподавал? Для католика ответ будет таков: «Авторитет Церкви через епископов, священников и т. д.». Хотя это прямо не утверждается, вывод ясен: Библия *неясна* и поэтому *недостаточна* сама по себе для того, чтобы научить всей истине. Необходимо что-то еще, и для католиков этим «чем-то» является авторитет Церкви и предания. Китинг говорит об этом, когда пишет (в той же главе, из которой приведена предыдущая цитата), что проблема всех фундаменталистов заключается в том, что они трудятся, «имея неверное убеждение, что последнее слово за Писанием, и что предание, основанное на устном учении, не имеет никакого значения»³⁷.

Следовательно, что же направляет «развитие доктрины» в католицизме? Легко заявлять, что за это отвечает «Святой Дух», но в действительности движущей силой является церковная иерархия. Магистериум претендует на полный контроль над истолкованием Библии, и поскольку он является «единственным проводником» «развития доктрины», он может легко проводить свой курс. В истории происходит вот что: многие доктринальные формулировки, которые Католическая церковь объявляет «развившимися» с течением времени, являются не только *небиблейскими*, но и откровенно *антибиблейскими*. Все это стало естественным результатом происходящего процесса, который, по сути, заключается не в *развитии христианской доктрины*, а – в *медленном отклонении от христианского учения*.

Каков же тогда верный направляющий фактор в развитии доктрины? *Верный направляющий фактор в развитии христианской доктрины – это сама Библия!* Текст Писания предоставляет нам тот *фундамент* и, что более важно, те *рамки*, в которых с течением времени и происходит это развитие. Вместо того чтобы полагаться на какие-то внешние факторы (такие, как предания), мы признаем, что никто не постиг всех глубин Божьего откровения, находящегося в Писании, никто даже не приблизился к тому, чтобы исчерпать содержимое его страниц. Следовательно, подлинное развитие христианской доктрины заключается в нашем постоянно возрастающем понимании Божьего Слова. Должно происходить постепенное углубление в истины Слова. Это включает в себя исследование связи одного текста Писания с другими или одной истины с другими. Библейские ученые, раскрывая все новое и новое в библейских языках, в значении слов и формах выражения, приводят к развитию нашего понимания Писания, а от этого – к дальнейшим определениям доктрины. На духовном уровне это происходит через просвещение Духа, доступное тем, кто смиренно подчиняет себя авторитету Библии, но не тем, кто заносчиво воображает себя господином *над* Словом.

Пример Ария (приведенный выше) подтверждает это. Любой, кто читал труды Афанасия или Августина касательно Троицы или божественности Христа, знает, что эти люди обращались к Писанию как источнику аргументов. Они исследовали библейские тексты, показывая, что позиция их оппонентов не согласуется с полной библейского откровения. И этот процесс (раскрытия и познания глубин Писания) продолжается до наших дней.

³⁶ Karl Keating. *Catholicism and Fundamentalism*. Ignatius Press, 1988. С. 144-45.

³⁷ Там же. С. 151.

Например, в конце восемнадцатого века человек по имени Грэнвилл Шарп (Granville Sharp) сформулировал правило греческой грамматики, которое теперь носит его имя (знатоки греческой грамматики, придумывая названия тем или иным правилам, не блистали изобретательностью). «Правило Грэнвилла Шарпа» утверждает, что если текст содержит два существительных, первое из которых с артиклем, а второе без, и они соединены союзом «и», – то оба существительных описывают *один и тот же* объект. Насколько это важно? К примеру, Послание к Титу 2:13 содержит грамматическую конструкцию, подпадающую под действие «правила Грэнвилла Шарпа». И поскольку механизм работы этого правила в греческом языке был распознан *после* того, как был сделан английский перевод короля Иакова (King James Version), то переводчики не учли этого правила и перевели стих следующим образом: «Looking for that blessed hope, and the glorious appearing of the great God and our Saviour Jesus Christ» («Ожидая блаженной надежды и славного явления великого Бога и нашего Спасителя Иисуса Христа»). Конечно, я не хочу сказать, что данный перевод *неверен*, однако он не настолько *точен*, насколько хотелось бы. Из этого перевода кто-то может сделать неверный вывод, что термины «Бог» и «Спаситель» относятся в нем к разным лицам. Но если учитывать правило Грэнвилла Шарпа, то перевод становится более ясным: «Looking for the blessed hope and the glorious appearing of our great God and Savior, Christ Jesus» («Ожидая блаженной надежды и славного явления нашего великого Бога и Спасителя Иисуса Христа»). Таким образом, обнаружение этого правила помогло нам лучше понимать доктрину о божественности Иисуса Христа, поскольку в этом тексте Павел применяет термин *Бог* к Господу Иисусу Христу. Это основанное на Библии развитие доктрины было движимо не группой людей, претендующих на обладание апостольским авторитетом, но текстом самого Писания.

Другой пример имеет отношение к значению греческого слова *monogenes*, который традиционно переводили как «единственный рожденный» (англ. «only begotten»). Многие нехристианские религиозные группы предпринимали попытки опровергнуть вечное существование Христа на основании этого термина, неверно истолковывая термин *рожденный* и усматривая в нем указание на начало существования второй Личности Троицы в какой-то момент времени. Но, изучая папирусы, найденные в египетской пустыне за прошедшее столетие, ученые выяснили, что в прежних истолкованиях этого слова была допущена ошибка. Ранее предполагалось, что это слово составлено из двух частей: *monos*, которое означает «единственный», и *gennao*, которое является глаголом и означает «порождать, производить на свет».

Это предположение было верно только наполовину. Термин *monogenes* происходит от двух слов, из которых одно – *monos*, но второе – не *gennao*. Скорее всего, вторая часть слова образована от существительного *genos*, которое означает «род» или «тип». Следовательно, *monogenes* означает «единственный в своем роде, уникальный», а не «единственный рожденный». Соответственно, этот термин указывал на единственность, уникальность Сына. Важность этого открытия для христологии очевидна: никто не может отрицать вечную сущность Сына Божьего на основании этого термина, поскольку он указывает не на Его «начало», а, скорее, описывает Его уникальность.

Оба этих примера иллюстрируют развитие доктрины на основе лингвистических исследований. Следующий пример касается искупления во Христе. У нас есть исторические данные о том, что у ранних Отцов Церкви были некоторые интересные взгляды на искупление, которые с трудом можно согласовать друг с другом. Тем не менее, их труды по данному вопросу свидетельствуют о серьезном недостатке ясности в понимании всей воли Божьей, а также многим трудам Отцов

Церкви недостает последовательной глубокой экзегезы тех библейских текстов, которые относятся к данному вопросу. Отчасти это можно объяснить тем, что основная масса времени и сил на ранней стадии тратилась на развитие доктрины о *личности* Христа, а не о Его *служении*. Какова бы ни была причина, в прошлом были популярны некоторые явно *небиблейские* доктрины относительно природы искупления, и они продолжают свое существование до наших дней. Даже в таких условиях, когда на предмет этого вопроса Библию изучают верующие, признающие только авторитет Божьего Слова, многие ложные представления, преобладавшие в прошлом, отступают в сторону, и истина о Христовом искуплении становится намного более доступной сегодня, чем это было четыреста лет назад. Это и есть *развитие* доктрины. Речь не идет о ее изменении, ибо развитие происходит в тех рамках, которые установлены словами самого Священного Писания. Это не наложение на учение Библии внешних идей или внешнего авторитета (что мы наблюдаем в католических доктринах). Скорее, это все более глубокое проникновение в откровение Бога с молитвенным поиском Его руководства и водительства.

Скажу снова: невозможно переоценить важность *движущих принципов* развития доктрины. В католицизме таким движущим принципом является сама Церковь. Да и как иначе? Католические иерархи говорят нам, что Библия – недостаточно надежное руководство и что она сама по себе не завершена. Нужно дать слово священному преданию, но через кого оно говорит, как не через магистериум Рима? Как же тогда сама Библия может определять границы доктринального развития, если она не является завершенным, достаточным откровением? С точки зрения Рима, выраженной в его учении о Библии, христианское представление о развитии доктрины в рамках самого Писания представляется и нелогичным, и невозможным. Однако если отвергнуть католическое понимание откровения и притязания Рима на высший авторитет в истолковании Писания, тогда продолжающийся процесс изучения и духовного просвещения на основании Божьего Слова нам представляется не только вполне логичным, но и прекрасным по своей сути.

И все же, не приводило ли изучение Библии некоторых людей к отступлению от центральных положений веры в последние века? Разве не «христианские» ученые на основании современных теорий о том, как Библия была написана, или о природе Библии отвергают такие учения, как первородный грех, Божье провидение, Троица и воскресение мертвых? Да, мы знаем многих, кто, называя себя христианами, отвергает библейскую истину, полагаясь на непроверенные и недоказуемые теории о Писании. Идея о том, что Библия представляет собой всего лишь сборник мифов и легенд, сегодня не редка, но это нельзя считать подлинным исследованием Библии. Эти люди не позволяют Слову говорить самому за себя. Они отвергают сверхъестественное мировоззрение Писания и навязывают ему свои антисверхъестественные идеи. Мы уже подтвердили, что подлинное развитие доктрины происходит, когда христиане, преданные абсолютному авторитету Библии, направляются в своих исследованиях Святым Духом. Мы также уже обсудили, что решающее влияние на процесс истолкования оказывает отношение человека к природе Писания (безошибочности и богодухновенной внутренней согласованности). Хотя неверующие «библейсты» могут временами оказываться в большинстве, *Божьи цели все равно будут достигнуты*.

В заключение отметим, что, когда апологеты католицизма для защиты различных учений Рима обращаются к понятию «развитие доктрины», они неверно употребляют правильный принцип. Нельзя ссылаться на *развитие* доктрины, пытаясь оправдать культ Марии или догмат о непогрешимости Папы. Эти идеи не только чужды Писанию, но и являются по своей сути антибиблейскими. Это не результат продолжающегося процесса изучения Библии, а отклонения, спровоцированные

введением внешних источников авторитета. *Подлинное развитие доктрины основано на покорном изучении богодухновенного Писания, которое благословляет Святой Дух, даруя исследователям более ясное понимание глубин содержащегося в нем откровения.*